

Геннадий Прашкевич

Стрела Аримана

«Автор»

1989-90

Прашкевич Г. М.

Стрела Аримана / Г. М. Прашкевич — «Автор», 1989-90

© Прашкевич Г. М., 1989-90

© Автор, 1989-90

Содержание

Завоевательница	5
Дети в траве	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Геннадий Прашкевич

Стрела Аримана

Мудр тот, кто знает нужное, а не многое.

Эсхил

Завоевательница

Честно говоря, Зита ожидала большего.

Может быть, гораздо большего.

Разумеется, она не думала, что зеленые площади и магистрали Мегалополиса будут затоплены бурлящей пестрой толпой, что у каждого Инфора, у каждой живой скульптуры, у каждой башенки Разума будут кипеть импровизированные карнавалы, а под белыми башнями МЭМ (Мировой Электронный Мозг) с не меньшей силой и с не меньшим неистовством засверкают невероятные ярмарки либеров, как это бывает, скажем, в день Свободы. Нет, ничего такого Зита не думала, и все же была разочарована.

Мнемо – другая жизнь, Мнемо – другие возможности. Южные либеры настаивают: машина Ждана Хайдари должна принадлежать всем.

– Мнемо, другая жизнь! – фыркнула Зита. – Зачем мне другая жизнь, если меня вполне устраивает эта, если я собираюсь устроить ее разумно!

Будущее может оказаться не похожим на вашу мечту, но будущее будет таким, за какое вы проголосуете.

Это так. Голосование – дело конкретное. Голосование приносит конкретный результат. Это важно.

Зита улыбнулась.

Темноволосый мужчина, устроившийся на высокой террасе кафе, проводил ее восхищенным взглядом.

Зита вздернула голову, рыжие волосы разметались по плечам. Чем больше будет подобных восхищенных взглядов, тем легче она решит свои проблемы. А что касается будущего голосования, то до него еще далеко.

Проблема личностных контактов. Мнемо – еще одно ваше будущее. Мнемо представляет вам невероятный выбор.

«Значит, и мне! – не без гордости подумала Зита. – Я, конечно, не такая умная, чтобы пользоваться Мнемо, но я и не собираюсь это делать. У каждого своя цель, свое назначение». Что бы там ни говорили о той, другой жизни, ей, Зите, нравится реальная.

Она с удовольствием осмотрелась.

Ей уже приходилось бывать в Мегалополисе. Десять лет назад она была здесь – Общая школа поощряет такие поездки. Правда, потом она уже ни разу не выбиралась сюда, ей нравились места более дикие. Таких мест на Земле много, и они всегда разные, а мегалополисы все же похожи один на другой, где бы они ни располагались – в долине Рейна, в Американском треугольнике, в Японской зоне, на Зондском архипелаге или на юге Западной Сибири. Мегалополис есть мегалополис, его назначение строго определено, а Зиту всегда манила природа. Только природа дарит ощущение тайны, живет сама по себе, не сообразуясь с тобой, только природа возвращает тебя в вечное. Смотреть на запутанный ход муравья, на его долгую хлопотливую пробежку с грузом и без, видеть стремящегося к цели оленя, рассматривать смутные тени рыб сквозь толщу озера – это схоже с ощущением, охватывающим тебя в башенке Разума: ты весь открыт, тебя кто-то видит!

Правда, Зита считала все эти слухи о далеком вселенском Разуме вздором, но в башенке Разума ее всегда охватывало волнение. Рвущаяся вверх готика стен, раскрытая в небо кровля... Может, правда, кто-то видит тебя, ощущает, чувствует?..

Зита фыркнула: ощущать и видеть тебя – это позволено только МЭМ. Нет, Зите не по душе башенки Разума, и не только ей: сейчас туда мало кто заглядывает. Ей больше нравятся места дикие, свободные. Скажем, Ганг.

Она вздохнула.

Она, выросшая на океанском шельфе, на островах, сразу же была покорена гигантской пресной рекой. Эти древние каменные храмы, эти вечные, мутные, полные тайн воды, это иссушенное солнцем небо... Зита черпала ладонями воду, в который раз поражаясь тому, какая она в Ганге мутная. Ну да, эта муть целебна, она настояна на гималайском серебре. Зита не побоялась сделать глоток, а стеклянная Колба, наполненная той же водой, до сих пор стоит в ее комнате, не умирая, не зацветая, не давая никаких запахов. Но почему она все же такая мутная? До встречи с Гангом она считала, что его вода должна быть прозрачной – ведь она привыкла к прозрачному океану – и сквозь ее толщу можно увидеть неровное илистое дно. На Курилах, например, были места, где, свесившись со скалы, можно было увидеть на дне океана каждый камешек. Но все оказалось не совсем так. Впрочем, разочарование ли это?

Сирены Летящей. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари. Судьбу Третьей звездной решать вам.

«Гелионис» как вариант будущего. Ждан Хайдари и Ри Ги Чен: будущее формируем сегодня.

Юнис: новая программа. Гумам утверждает: туманы запахов – тупиковый путь. Индекс популярности; Ждан Хайдари, Хриза Рууд, Ри Ги Чен, доктор Хайдари, доктор Чеди, Гумам, Юрий Ходоров, Гомер Хайдари, лицедеи из Юнис – Хириш и Сэнь Сяо.

Лицедеев из Юнис Зита видела только на экранах, а о докторе Чеди вообще имела самое смутное представление, как, кстати, и о Ходорове Этот Чеди, прожив в Мнемо другую жизнь, что-то там прорицает. Рано или поздно единое человечество вновь разобьется на кланы и семьи.

Она вспомнила: государство – семья или каждая семья’ – государство. Доктор Чеди настаивает на таких вариантах.

Меньше всего в индексе популярности Зиту удивили имена Хайдари, их деятельность всегда оценивалась высоко. Правда, обидно видеть Хризму Рууд на втором месте. Место Хризмы Рууд всегда первое. Зита считала Хризму Рууд великой женщиной. Не только потому, что Хриза Рууд возглавляла Общую школу, являясь ее Настоятельницей, но и потому, что она действительно была великой женщиной, ведь когда-то она сама воспитала сына. Индивидуально, что сейчас редкость.

«Ладно, – шепнула себе Зита, – я тоже буду, как Хриза Рууд».

Ей нравились белые клубы облаков над башнями МЭМ. Дохнул ветерок, она зажмурилась. Зачем люди куда-то торопятся, куда-то уходят? Зачем Ждан Хайдари и Ри Ги Чен собираются уйти на «Гелионисе» в океан? Пять лет без какой-либо связи с материками, с человечеством, даже с МЭМ! Какой странный, какой величественный эксперимент!

Без МЭМ! Вот этого Зита вообще не могла понять.

Опыт инженера или испытателя, наблюдения ботаника или астронома, формула математика или социолога, лепет ребенка и воспоминания стариков – все бесконечно и непрерывно вливается в безграничную память МЭМ. Зачем от него отключаться? МЭМ следит за твоим здоровьем, за состоянием твоего духа, за твоим общественным ростом, за твоей семьей. МЭМ всегда готов помочь, дай лишь знак. Зачем им, на «Гелионисе», отключаться от МЭМ?

Зита укорила себя: она знает так мало.

Вот Мнемо – это понятней. Машина Мнемо, построенная Жданом Хайдари, позволяет любому человеку прожить еще одну, другую, совсем другую жизнь. Причем именно прожить, то есть обогатиться настоящим и новым опытом, действительно настоящим и новым, прежде никак не характерным для твоей жизни. Немалое открытие. Ждан Хайдари не случайно возглавляет индекс популярности. Зита видела его на экране Инфора. Ждан показался ей медлительным, рыхловатым. Длинные волосы на лбу были схвачены узкой сеточкой – это ей понравилось. Кажется, он косил. Зита еще удивилась: в наше-то время! Впрочем, он никогда особенно ее не занимал, в планах ее будущей жизни ему не предназначалось никакой роли.

Но о Мнемо, о машине Ждана Хайдари, она не могла не знать. Вечерами на Симуширском биокомплексе немало говорили о Мнемо. С одной стороны, вроде бы чистая иллюзия: ты подключен к многочисленным датчикам, остаешься в реальном мире. Но, с другой стороны, там, в смутных глубинах Мнемо (своего сознания) ты живешь совершенно другой жизнью, той, которую ты мог прожить, если бы в свое время выбрал именно такой вариант. Скажем, доктор Чеди, биолог, никогда особенно не интересовавшийся социологией и историей, именно там, в Мнемо, в другой жизни, разработал теорию исторической спирали, весьма заинтересовавшую Высший Совет. «Надо было внимательнее слушать, – укорила себя Зита, – эта теория, наверное, и впрямь важна, ведь не каменный же век предсказывает человечеству доктор Чеди».

Юнис: новая программа. Гумам утверждает: туманы запахов – тупиковый путь.

«А вот туманы запахов Гумам отрицает зря», – весело решила Зита. Он, наверное, ревнив, этот Гумам. Он великий мастер, его голографические реалы сводят с ума, восхищают, печалят, но туманы запахов тоже имеют смысл. Трижды побывав на сеансах ТЗ, Зита каждый раз покидала зал восхищенной.

Нет, нет! Почему тупиковый путь? Просто это нечто другое.

Десять лет назад Мегаполис поразил Зиту динамикой. Сотни утапов (универсальная единица транспорта), пестрые, как радуга, ярмарки либеров, световые короны над белыми башнями МЭМ и, конечно, люди, люди, люди, очень много людей. «Этот доктор Чеди что-то там недопонял, – подумала Зита. – О каком разделении человечества на отдельные кланы и семьи может идти речь? Что из того, что площади Мегаполиса стали пустоватыми? Каждый занят своим делом».

Она огляделась, отыскивая Инфор.

Подними руку с браслетом, и Инфор ответит на любой твой вопрос. Ведь Инфор – это частица МЭМ, его голос, а МЭМ знает все.

Зита никогда не задумывалась, кто и когда выдал ей ее почти невесомый полупрозрачный браслет – неуничтожимый, неснимающийся, прохладный. Просто она всегда помнила его на руке и всегда носила. Он был привычен, как облака на небе, как башни МЭМ, как океан. Он был ее частицей, ее продолжением. Хочешь сменить работу? Подними руку: МЭМ через Инфор предложит тебе массу увлекательных занятий. Хочешь побывать в Каскадных горах, в Арктике, на Фолклендах? Подними руку: МЭМ через Инфор подскажет, как проще и удобнее это сделать. МЭМ всегда выручит и поможет. МЭМ видит тебя, слышит тебя, заботится о тебе. С браслетом на руке ты всегда в системе МЭМ, с браслетом на руке ты не имеешь никаких проблем. Требования либеров отключить человечество от МЭМ, вернуть людям самостоятельность – игра. Этих игр Зита не принимала.

Проблема личностных контактов. Общая школа нуждается в реформах. Хриза Рүүд за дискуссию.

Десять лет назад Мегаполис показался Зите кипящим котлом. Он и сейчас был весь в движении, но его динамика, несомненно упала. Правда, почему на улицах так мало мужчин? Почему не каждый оглядывается на нее? Почему вон тот одинокий человек на террасе кафе даже поднял воротничок рубашки?

Судьба синтезатора решится общим голосованием. Ждан Хайдари противобобщего голосования. Дом Науки: синтезатор открыт для всех.

Великое создание – синтезатор. Это и есть вечная, наконец овеществленная мечта – истинно безотходное производство. Вводи в синтезатор то, что имеешь, и получай на выходе то, что хочешь.

Впрочем, она, конечно, упрощает. Сырье следует тщательно подбирать, иначе получишь на выходе медное золото или деревянный камень. Говорят, бывало и такое. Но Зита за массовое производство синтезаторов. Зачем тут голосование? Зачем эта пятилетняя проверка на «Гелионисе»? Всеобщее распространение такой машины не может не отразиться на состоянии мировых дел, но ведь если и отразится, то только в лучшую сторону... Нет, нет! Ри Ги Чен и доктор Хайдари не зря занимают свои места в первой десятке индекса популярности. К тому же, создав, может быть, самую замечательную машину века, они нисколько не потеснили в десятке любовь Зиты – Хриззу Рууд. Хриза Рууд – над ними. Уже одно это внушало Зите интерес к создателям синтезатора. А высвобожденное синтезаторами время... Скажем, биокомплексы, вроде того, где она работает, станут ненужными... Так учись! Проблема свободного времени давно решена. Учись владеть компьютером, синтезатором, голографическим конструктором, подчиняй себе неведомое, освобождай себя от опеки биороботов и людей. Если ты умеешь подбирать ключи к генетическому коду своего биоробота или к непостижимой логике подчиненных тебе машин, твой индекс популярности мгновенно вырастает. А каких ценностей еще желать? Разве уровень твоей необходимости обществу – не самая главная ценность?

Остановившись у Инфора, Зита машинально ткнула пальцем в контролер Индекса популярности.

«На общем уровне».

Ну да! Зита вздохнула. Ну да, она еще ничего такого не изобрела, она не побывала в космосе, не родила сына. Чего вздыхать? Разве она ожидала какого-то другого результата?

Зита рассмеялась.

Она ни в чем не чувствовала себя ущемленной.

Кусок яркой и легкой ткани свободно охватывал ее плечи и бедра, теплый ветерок, налетая, перебирал рыжеватые волосы. Она чувствовала себя юной, свободной. Она хотела движения, она хотела, чтобы все вокруг кипело.

Светлый мир, светлый!

Она, конечно, не все понимает в тех проблемах, что постоянно ставят перед человечеством все эти Хайдари, Чеди, Гумамамы или, скажем, либеры, но зачем, собственно, ей все это понимать? Разве нет МЭМ? Возникнут сложности – МЭМ поможет. МЭМ – воплощение опыта всей человеческой истории. В конце концов, дело не только в твоём личном интеллекте. Всем этим Хайдари, Чеди и Гумамам, столь блистательно необходимым человечеству, она всегда предпочитала и предпочитает Хриззу Рууд – Настоятельницу Общей школы.

Общая школа...

Единственное, что портило ей настроение, – воспоминание об Общей школе.

Она вдруг явственно увидела малышей. Их ведут на прогулку. Над ними гвалт, над ними небо бездонное.

Сердце Зиты заныло.

Не надо сейчас об этом.

Сирены Летящей. Ошибка группы Морана. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари.

Ага, это о Второй звездной.

Зита, как все, радовалась возвращению Второй звездной, но ведь это случилось почти два года назад. Честно говоря, Зита уже малость подзабыла о том, что рядом с ней живут сейчас

люди, необыкновенные хотя бы тем, что они и впрямь побывали там – в мертвом холоде, в мертвой пустыне, в абсолюте холода и пустоты.

Сирены Летящей. Судьба Дага Конвей. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари. Расшифровка на любом Инфоре.

Моран... Даг Конвей... Гомер Хайдари... Даже сами имена звучали как-то не так...

«Ну да, – уверенно сказала себе Зита, – как они могут еще звучать? Сунули людей в титановую коробку и выпихнули на несколько лет в пустое пространство. Они, наверное, не понимают Земли – прелести прибоа, прелести закатов. Они, наверное, боятся Солнца, ведь Солнце для них прежде всего – источник жестокого излучения...»

Странные люди.

Зита даже расстроилась, так ей стало жаль участников Второй звездной.

Задумавшись, она медленно шла по узкой аллее Центрального парка. Центральный парк – это только название, вряд ли следует смотреть на него как на некий, даже условный, центр Мегалополиса. Если быть точным, Центральный парк – всего лишь часть территории Института человека. Вон те здания, что террасами поднимаются по холму, это и есть комплекс института, в котором созданы такие необычные машины, как Мнемо и синтезатор.

Зита смотрела на институт с почтением.

А сирены Летящей?

Зита присела на пластиковую скамью, уютно окруженную кустами сирени. Она жалела участников Второй звездной. Участников Первой звездной она тоже жалела, но те хоть, кажется, не понаделали там ошибок. Она глазами отыскала экран Инфора – юн он, чуть левее скамьи.

Сирены Летящей...

Она улыбнулась, отметив, что непроизвольно села так, как обычно это делает Хриза Рууд. Зита всегда старалась подражать этой невероятной, этой восхитительной женщине. Левая рука на колене, правая – на запястье левой, голова чуть откинута, рыжеватые волосы густо рассыпались по плечам.

И глаза...

Зита хорошо знала, какие у нее глаза. Про такие глаза говорят – бездонные. У ее сына будут такие.

Поднять руку?

Она подняла. Экран Инфора вспыхнул.

Диктор (может, биоробот, а может, действительно кто-то из тех, кому нравятся такие занятия) глянул на Зиту восхищенно. Она сделала правильный выбор, он ответит на любой вопрос! Глаза диктора (или биоробота) были полны неподдельного, настоящего восхищения: да, да, сведения Зиты верны. Вторая звездная – это несколько лет пути во тьме, в космическом холоде, а конечная цель – одна из планет звезды Летящая Барнарда.

Зита это знала.

Диктор восхищенно кивнул: да, он видит, что Зита знает немало. Что же касается группы Морана, она состояла из трех космонавтов: сам Франс Моран, астроном, Даг Конвей – биолог, Гомер Хайдари – палеонтолог. Именно они высаживались на боте на планету Ноос – четвертую планету Летящей Барнарда.

Зита нетерпеливо мотнула головой. Это она знает. Она хочет подробностей.

Диктор понял Зиту: на экране высветились лица, чем-то неуловимо похожие, хотя и не одинаковые. Даг Конвей – белобрысый, голубоглазый, явно с Севера. Франс Моран – круглолицый, медлительный, откуда-нибудь из Бретани. Наконец, раскосый по-азийски Гомер Хайдари.

– Да, да, это они, – пояснил диктор. – Это они высаживались на Ноос. Замечаете, в их глазах таится напряжение? Практически невозможно снять его, космос вселяется в человека навсегда. Правда, это делает их похожими? Но это они, именно они, – напомнил диктор, –

впервые за всю историю человечества обнаружили в горных породах чужой далекой планеты нечто вроде окаменевших спор. И это они открыли сирен на Ноос.

– Я все время слышу: «сирены, сирены», – мотнула головой Зита. – А почему сирены?

На мгновение ей представилось что-то крайне доисторическое: полуженщины, полуптицы. В древности кто-то даже привязывал себя к мачте, не то спрыгнул бы с корабля и навсегда остался с сиренами, так волшебным, так упоительно умели они петь. Ведь пели?

Диктор восхищенно кивнул. У Зиты прекрасная память, с ней легко и интересно разговаривать. Сейчас она сама увидит сирен.

Он так много наговорил об этих сиренах, что Зита испытала острое разочарование, увидев на экране голую каменистую пустыню, а на обожженных камнях – странноватые кустики. Их кожистые, несколько не привлекательные листья медленно изгибались и вдруг дергались судорожно... Это и есть сирены? Зита правда была разочарована. Чем, собственно, эти сирены интереснее водорослей? У Зиты на Симуширском биокомплексе есть любимое место – скала, круто обрывающаяся в океан. Под скалой большая глубина, вода всегда прозрачна. Сквозь толщу воды хорошо видно, как раскачиваются на дне длинные, перфорированные по краям листья ламинарий. Куда как привлекательнее сирен.

– Почему – сирены? – переспросила она.

Правильный вопрос! Диктор снова кивнул. Ему явно льстила беседа с такой красивой женщиной. К тому же Зита все понимает... Она теперь ясно видела, что листья сирен действительно изгибаются, вздрагивают конвульсивно. Прямо на ее глазах некоторые из них свернулись в подобие не очень аккуратных воронок, на стеблях вспухли странные наросты. Какие-то испарения поднимались над кустиками и осыпались вниз легкими светлыми хлопьями. Одновременно со всем этим слышался долгий далекий звук, нежный, совсем не резкий, но отчетливый, зовущий, полный странного томления, которое вполне можно было принять за призыв.

Зита вздрогнула.

Зачарованная, она увидела океанский накат. Чайки, дымка, безмерность... Выбежать на террасу, перегнуться через прохладный каменный парапет, счастливо задохнувшись, увидеть внизу еще одну террасу, обрывающуюся прямо в океан, и женщину – смеющуюся, счастливо наклоняющуюся над ребенком, и нежные руки ребенка, не руки, ручонки, совсем крошечные: пальчик не длиннее ногтя на мизинце Зиты.

Сердце Зиты счастливо дрогнуло, она невольно прижала пальцы к вискам. Сколько все это длилось?

– Это всегда так, – понимающе улыбнулся диктор. – Вы отвлекаетесь всего на минуту, а потом оказывается – слушали сирен весь день. Чтобы кто-то заскучал и попробовал отключить Инфор, я такого не помню. Увлекает, правда?

Зита кивнула.

Она была потрясена. Эта песнь сирен... Неужели она просидела на скамье перед Инфором почти час?.. И если это так, то как же пришлось группе Морана? Там, на Ноос, они могли заслушаться по-настоящему. Немудрено наделать ошибок... Она уже поняла, почему эти невзрачные кустики названы сиренами, и теперь хотела знать что такого натворили на Ноос Моран и его спутники?

– Они нарушили Положение о Космосе.

Сообщая это, диктор держался крайне серьезно.

Зита кивнула. Что там сказано в этом Положении?

Диктор процитировал.

– «При любой попытке человека войти в контакт с неизвестной ранее формой жизни все, что может явиться причиной опасности как для самого человека, так и для неизвестной ранее формы жизни, должно быть категорически устранено. Если сам контакт по каким-либо причинам представляет собой угрозу как для человека, так и для неизвестной ранее формы

жизни, человеку следует отступить. Все иные реакции человека на изложенную выше ситуацию относятся Положением к категории неприемлемого риска...» – И спросил: – Я внятно изложил суть?

Зита кивнула.

– Вполне... Этот Даг Конвей, такой голубоглазый, он что, правда погиб на Ноос?.. Эти сирены опасны?

Диктор заметил, что в некотором смысле, несомненно, опасны.

– А разум?.. Эти сирены разумны?

Диктор был готов ответить на любой вопрос.

– Разумны? Возможно... Но есть люди, отрицающие это... Скажем, палеонтолог Второй звездной Гомер Хайдари... Хотите знать его мнение?

Зита энергично потрясла головой. Нет, нет! С нее достаточно. Эта голая каменистая пустыня на экране... Как можно выжить в такой пустыне? Что вообще делают на Ноос сирены? И если это загадка, то когда ее разгадают?.. Это зависит и от нее? Зита растерялась, как от нее?.. И поняла. Как она могла забыть: предстоит общее голосование по Третьей звездной. Она, Зита, тоже будет определять судьбу экспедиции. Но надо ли лететь в такую даль, чтобы заниматься столь странными и вряд ли полезными существами?

Зита говорила, а сама чувствовала смущение, ее сбивали с толку Глаза палеонтолога Гомера Хайдари. Казалось, он смотрит прямо на нее, видит ее.

И песнь сирен... А ведь это только обрывок... Как звучит эта песнь там, под чужими звездами?

Зита зябко повела плечами.

Взгляд Гомера Хайдари сбивал ее с толку.

Она слышала, и это было правдой, что Гомер Хайдари, как, кстати, большинство участников Второй звездной, был воспитан матерью индивидуально. Однажды, еще в Общей школе, Зита была на встрече с подводным археологом, который тоже был воспитан индивидуально. Пожалуй, он смотрел, как Гомер. Его взгляд тоже смутил Зиту. Наверное, они все такие, кто избежал Общей школы. Только Общая школа вырабатывает в человеке истинную гармонию.

Она покачала головой.

Ее соседку по Симуширскому биокомплексу зовут Нора Лунина. Она член Родительского клуба, воспитывает дочь индивидуально. Неужели когда-нибудь дочь Норы будет смотреть на мир с такой же скрытой усмешкой, как смотрит Гомер Хайдари и как смотрел тот подводный археолог?

Вслух Зита этого не спросила.

Отгоняя смущение, она дерзко мотнула головой, раскидав по плечам рыжеватые волосы. Долой Инфор! Долой долгие разъяснения! Она прилетела в Мегapolis вовсе не затем, чтобы вдумываться в случившееся на далекой планете Ноос. Все эти либеры, синтезаторы, Мнемо, ТЗ, башенки Разума – пусть всем этим занимаются те, у кого есть время и желание. Она же хочет стать членом Родительского клуба, хочет сама воспитать своего будущего сына, не отдавая его в Общую школу. Зита найдет человека, союз с которым даст ей право на индивидуальное воспитание, Она получит доступ в Родительский клуб, станет его активным членом, а если понадобится, добьется встречи с самой Хризой Рууд. Зита – не либер. система МЭМ ее устраивает, но своего ребенка она воспитает и вырастит сама. Ведь получилось это у матери палеонтолога Гомера Хайдари, ведь получается это у Норы Луниной. А в синтезаторах и Мнемо пусть разбираются их создатели.

Зита прижала ладони к разгоряченным щекам. Она все еще чувствовала на себе взгляд Гомера Хайдари. Разумеется. Гомер Хайдари смотрел вовсе не на нее, это была только картинка, но Зита чувствовала непонятное смущение. Надо вести себя сдержанней, столь явные

чувства ей не на пользу, ведь МЭМ фиксирует все. Потом, при тестировании, слишком явные чувства могут сослужить ей не самую лучшую службу.

Нет, нет! Не думать об этом!

Но она все еще слышала долгую песнь сирен. Она чувствовала, знала: своего сына она будет воспитывать и растить сама и не отдаст его в Общую школу. Разве не в ее силах дать ребенку уверенность, здоровье, правильное понимание мира и человека? Разве всей своей семнадцатилетней жизнью Зита не доказала своей воспитанности, гармоничности, самостоятельности, доброты, благожелательности, упорства? Она человек вполне гармоничный. Некоторый переизбыток страстности вполне уравнивается ее искренним и глубоким уважением ко всему созданному и совершенному современным человеком. В пять лет, ладно, она приведет ребенка в Общую школу, она ведь не враг ему, но до пяти лет... Она готова к роли воспитательницы! Умеет быть внимательной, нежной. Нора Лунина доверяла ей своего ребенка. Она внимательна и научится быть еще внимательнее. Чуть запоздало, но благодарно Зита кивнула исчезнувшему с экрана диктору (или биороботу). А все эти «Гелионисы», Мнемо и Звездные... Ей, конечно, жаль погибшего на Ноос биолога, но они там с этим сами разберутся. А она, если будет за что-то голосовать, то прежде всего за синтезатор. Синтезатор окончательно высвободит людей. Женщин уж точно окончательно. А что важнее для матери, чем полное освобождение? Что вообще исключительнее дара матери? Разве самая творческая работа кипит не в семье? Как можно не понять изумления: ты вскочила, босая бежишь по прохладному полу, открываешь на бегу высокие двери, ты видишь раннее утро и то, как широко и страшно распахнут на горизонте океан. Как не понять задыхающегося от счастья сердца? Ведь там, на нижней террасе, если нет ветра, нет тумана, прямо под узловатой сосной, вытянувшей над берегом сухие плоские ветки, под ее ободранным смолистым стволом сидит Нора Лунина! Ее глаза полны нежности, лицо светится. Ее нежность неизбывна, потому что у ее груди смеется странное существо, крошечное, живое, тянущее к ней крошечные ручонки, нежно повторяющее голос матери...

Зита задохнулась.

Группа Морана, либеры, «Гелионис», Мнемо, ТЗ, синтезатор – как это все далеко!

Вздыхнув, отогнав видения, она встала. Узкая дорожка, казалось, бесцельно петляла среди деревьев. Прямо из кустов сирени выглянула живая скульптура.

– Чего ты? – сказала живая скульптура. – Поговори со мной.

Зита рассмеялась. Кто-то из последних собеседников натянул на голову живой скульптуры нелепую голубую панамку.

– Я кофе хочу. А говорить мне не очень хочется.

– Да ну, – возразила живая скульптура. – Со мной всегда интересно, ты только начни. Вот ты сама откуда?

– С Симуширского биокомплекса.

– Вот я и вижу. Тебе, наверное, нужны советы, ты многого можешь не знать. Если так, спрашивай. У меня есть время.

– А у меня его не очень много.

Зита, правда, заторопилась. Она уже слышала запах кофе. Здесь, на террасах Института человека, много уютных уголков. Показав живой скульптуре язык, она скользнула за мощный куст рябины, тронутый желтизной, и увидела гостеприимно расставленные столики. За одним из них сидели трое мужчин. Зита кашлянула, но ее не услышали.

Ладно.

Зита села так, чтобы видеть всю компанию. Но что скрывать, она села так, чтобы слышать эту компанию.

Индекс популярности: Ждан Хайдари, Хриза Рууд, Ри Ги Чен, доктор Хайдари, доктор Чеди, Гумам, Юрий Ходоров, Гомер Хайдари, лицедеи из Юнис – Хириш и Сэнь Сяо.

Подумаешь, Ждан Хайдари! Первое место должно принадлежать Хризе Рууд. Зита всегда подражала Настоятельнице Общей школы, ей всегда хотелось походить не Хризу Рууд. Конечно, волна мерцающих волшебных волос, гибкие руки, гармония жеста, слова, походка – все это было подарено Хризе Рууд природой, но Зита работает над собой, она старается ни в чем не уступить той, кого обожает. Почему же на первом месте в индексе находится Ждан Хайдари?

Зита обиженно вздохнула.

Папий Урс (универсальный бытовой робот; вся бытовая серия шла под именем Папий Урс: так звали когда-то знаменитого биотехника) подкатил столик. Зита сама взяла чашку, голова закружилась от аромата, выбрала сок и только после этого осторожно покосилась на соседний столик.

Никто из тех троих не заметил ее появления.

Один, коренастый, широкоплечий, сидел к ней спиной. Он явно устал, она почувствовала это по его расслабленности. Утомленным выглядел и другой. Его рыхловатое, но доброе и совсем не старое лицо показалось Зите знакомым, было в нем что-то не совсем обычное. Зита не сразу поняла, что человек проста косит, и косит изрядно. Она удивилась: не столь уж сложная операция, почему он мирится с таким неудобством? А вот третьего Зита узнала сразу. Еще бы! Жесткие, будто дыбом вставшие волосы, гладкое лицо, совсем как у живой скульптуры, резкие жесты – конечно, это Гумам, один из самых популярных мастеров голографического реала. Зита видела в Юнис многие его вещи, ей особенно нравилась драма «Безумная». Зита смотрела этот реал много раз, она могла воспроизводить на память целые монологи. Там мать, случайным образом избежавшая коррекции, бежала из госпиталя вместе с ребенком и переживала умопомрачительные приключения.

Гумам утверждает: туманы запахов – тупиковый путь.

Возможно, но Зите сеансы ТЗ нравились.

Ей нравилось утонуть в мягком кресле, сосредоточиться, отключиться от всех забот и вдруг – это всегда бывает вдруг – уловить тот самый первый, самый странный момент, когда тебя начинают касаться медленные разводы серебряного фосфоресцирующего тумана, совсем как на океанском берегу. Они текут, колеблются, прозрачные и слоистые, они навевают легкую печаль, светлую смуту. Ты вспоминаешь полузабытые запахи водорослей, пузырящейся пены, нежных битых ракушек, прогретых солнечными лучами... Да мало ли что ты вспоминаешь и чувствуешь! В самом ничтожном запахе, даже в намеке на запах заключена чудовищная информация. За какое-то мгновение ты можешь заново пережить всю жизнь, а всего-то твоих ноздрей коснулся почти неуловимый запах...

Нора Лунина...

«О чем я? Нора Лунина далеко, я не на сеансе ТЗ...»

Коря себя за несдержанность – МЭМ все видит, МЭМ все слышит – Зита крепко сжала колени. И услышала:

– Выходит, к единому мнению мы не пришли.

Ну да, это сказал Гумам. Сказал раздраженно и резко. А тот, что сильно косил, поднял наконец голову и увидел Зиту. Что-то в глазах его изменилось, но все равно он смотрел как бы мимо Зиты.

– Единого мнения и быть не может, – все так же резко заявил Гумам. – Мы можем называть кроманьонцев дикарями, но рисовали они не хуже нас. И это была реальность. А Мнемо?

– Реальность?.. Что вообще есть реальность? – медленно спросил косящий.

– То, что сближает, – сразу ответил Гумам. – То, что можно потрогать. То, что помогает общению!

– Ну да. – Собеседник Гумама оставался спокоен, даже слишком спокоен. – Залы Юнис собирают невероятное количество зрителей. Но единение ли это? В театр уже в двадцатом веке

ходили вовсе не для того, чтобы общаться. В театр вообще можно не ходить – почти та же информация приходит к нам и с экрана... Что же касается Мнемо, Гумам, хочу огорчить тебя: Мнемо – это вовсе не иллюзия, это не обман. Это жизнь. Это действительно жизнь. Другая, но жизнь, и к этому следует привыкнуть.

Третий, тот, что сидел к Зите спиной, повернулся, и она его узнала. У него был характерный профиль – восточный, даже юго-восточный. Плоское лицо, плоский нос, раскосые глаза, прижатые уши И имя восточное: Ри Ги Чен. Один из создателей синтезатора.

Зита растерянно и восхищенно моргнула. Она никак не ожидала увидеть рядом сразу двух человек из первого десятка индекса популярности.

А третий? Тот, что косит? Кто он?

– Если верить доктору Чеди, ничто от нас не зависит, – раздраженно продолжил Гумам. – Он считает, что ничего нельзя изменить, мы можем только ждать. Он считает, стрела Аримана выпущена, она уже сорвалась с тетивы.

Зита невольно улыбнулась горячности Гумама. В общем, он, наверное, и должен быть таким.

А Ариман?

Это такой пухлый шалун с луком, которого любили изображать в очень старинных книгах?..

Нет, она что-то путает Гумам действительно раздражен. В таком состоянии он не стал бы апеллировать к пухлому шалуну. Ариман – это что-то совсем другое.

Она уважительно наклонила голову. Гумам!..

Неистовые голографические реалы Гумама всегда были ее слабостью. Зита уважительно разглядывала Гумама. Он вдруг перехватил ее взгляд.

– Хотите к нам?

Это было в традициях Мегалополиса. Зита кивнула.

Все трое встали. Тот, что сильно косил, медленно подвинул ей кресло.

– Вы поняли, о чем мы тут говорим?

Подразумевалось, что она все слышала.

Зита смутилась.

Если она что-то поняла, то довольно смутно. Она чуть не покраснела. Она даже не помнит, кто этот Ариман, не знает, что такое стрела Аримана, зачем ему вообще нужны стрелы?

Тем не менее Зита кивнула Гумама. Пусть интуитивно, но что-то она действительно уловила. Ведь многие сейчас говорят о прорицаниях доктора Чеди, а он настаивает на близком расколе мира. Такого единого, такого единственного!..

– Если вы говорите о том, почему люди перестают интересоваться друг другом, общими делами, почему они вдруг начинают искать уединения, то я скажу: ответ не там, где вы его ищете.

– Да?

Все трое глянули на нее с искренним удивлением, и только сейчас Зита узнала наконец третьего.

Как она могла его не узнать! Она же видела его на экранах Инфоров. Ждан Хайдари, создатель машины Мнемо, на сегодняшний день самый популярный человек планеты. Это о нем говорят, что он прожил уже пять жизней. Совсем других жизней, но жизней!

– Что вы имеете в виду?

Спросил Гумам. Ри Ги Чен, как и до того, не произнес ни слова.

– Я детей имею в виду. – Как ни странно, знаменитости ее почему-то не смутили. К тому же она все еще сердилась на них, они ее заметили не сразу. – С детьми всегда много хлопот, зато рядом с детьми постоянно помнишь о будущем и стараешься, чтобы оно реально зависело от тебя. Если каждое последующее поколение будет живее, интереснее, богаче и чище преды-

дущего, то о каких проблемах вообще может идти речь? Дари другому то, что ему действительно хочется получить. Разве не это рождает ответный порыв?

Гумам усмехнулся несколько разочарованно.

– Вы член Родительского клуба?

Зита огорченно покачала головой.

– Но хотите быть членом Родительского клуба?

– Еще бы!

– И думаете, что индивидуальное воспитание – а вы ведь это имеете в виду, я не ошибся? – может бесконечно возвышать человечество, заодно выводя его из всех тупиков?

Он явно не хотел принять Зиту всерьез.

Рассказать ему, как вечерами на террасе Норы Луниной собираются сотрудники Симуширского биокомплекса? У них достаточно дел, личных интересов и увлечений, но если есть возможность, они с удовольствием собираются на террасе Норы Луниной. Они не мешают ребенку – мать в этом отношении очень строга, – им просто интересно посидеть рядом с таким крошечным человечком... Но Зита не стала обо всем этом рассказывать. Гумам, конечно, велик, но в глазах его вспыхивали огоньки, которые ее насторожили. Гумам явно из тех, кто без всякого стеснения может посоветовать сотрудникам Симуширского биокомплекса ходить не на террасу Норы Луниной, а в зоопарк. Нет уж, она не будет вмешиваться в спор с Гумамам.

– Вы правда так думаете? – медленно спросил Ждан Хайдари. – Вы правда считаете, что по-настоящему объединяют только дети?

– Когда у тебя есть ребенок, – защищалась Зита, – ты стараешься знать о нем все, а это значит, и все о мире. Когда у тебя есть ребенок, твои соседи и друзья относятся к тебе совсем иначе, потому что их интересует все, связанное с ребенком, а значит, и ты их интересуешь. И ты, и они – вы все время узнаете что-то новое и тянетесь друг к другу.

– А время для творчества? – Ждан смотрел на Зиту внимательно, без тени улыбки. – Почему вы думаете, что Общая школа не даст вашим детям того, что можете дать вы?

– Время для творчества? – Зита растерялась. – Разве все люди творцы?

Гумам рассмеялся.

– А разве нет?

Она вспыхнула. Гумам смеется над ней. Она уже вскипала неприязню к Гумамаму, но он не дал ей вспылить.

– Похоже, вы пробьетесь в Родительский клуб. Но боюсь, это многого будет стоить.

Родительский клуб...

– Конечно, – сказала она, успокаиваясь. И добавила не без горечи: – Лучше бы вообще распустить этот клуб.

Гумам восхитился:

– Вы непоследовательны. Сперва воспеваете Родительский клуб, потом хотите его распустить.

Впрочем, Гумам не ждал от Зиты ответа. Он уже, наверное, описал подобный характер в каком-нибудь из своих голографических реалов. Он был занят своими мыслями.

Зита с благодарностью ответила на поддерживавшую ее улыбку Ждана Хайдари. Вот Ждан внушал ей доверие. Он не молчал, как Ри Ги Чен, но и не вмешивался без нужды в беседу. Он внимательно выслушивал каждого. Все они выглядели усталыми. Наверное, на террасу они спустились отдохнуть.

Зита сказала:

– Я не была в Мегаполисе почти десять лет. Раньше он казался мне более оживленным.

Все трое переглянулись. Гумам произнес без улыбки:

– Замечание верное. – И непонятно изрек: – Я же говорю, стрела Аримана уже спущена с тетивы...

Будущее может оказаться непохожим на вашу мечту, но будущее будет таким, за какое вы проголосуете.

«Ну да!..» – фыркнула про себя Зита.

Южные либеры требуют: машина Ждана Хайдари должна принадлежать всем.

«Неужели Ждан против?»

Хриза Рууд говорит: Общая школа нуждается в реформах. Хриза Рууд говорит: Общая школа не должна вызывать неприязни у матерей.

Зита благоговейно молчала. Хриза Рууд!..

Сирены Летящей. Ошибка группы Морана. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари. Расшифровка на любом Инфоре.

Гомер... Зита незаметно рассматривала Ждана... Нет, он несколько не походил на Гомера... Может, скулы?.. Нет, она не находила никакого сходства.

Доктор Чеди: государство – семья или каждая семья – государство?

Зита удобно откинулась на спинку кресла. Ей было хорошо. Она видела: день сложился удачно. Она смотрела на небо. Над белой башней МЭМ тянулась цепочка длинных перистых облаков. Как развернутое птичье крыло. Башня МЭМ матово отсвечивала всеми спектральными плоскостями. Там, внутри башни, нет ни одного темного уголка...

Зита напряглась.

Что это?

Где-то на уровне пятого этажа, по узкому карнизу, охватывающему голую башню МЭМ, осторожно двигался человек. Он делал шаг, прижимался спиной к стене, замирал, потом делал следующий шаг. Снизу человек казался крошечным. Он неумело балансировал руками, прижимался спиной к стене. Сперва Зита подумала: биоробот. Потом увидела: нет, это человек. Биоробот не умеет двигаться столь нерешительно.

– Зачем он там? – выдохнула Зита.

– О чем вы? – недоуменно спросил Гумам.

Она, зажмурившись, ткнула рукой в сторону башни МЭМ.

Теперь человека на карнизе увидели все.

– Папий! – крикнул Гумам.

Биоробот мгновенно оказался рядом.

– Где тут Инфор?

– Ниже по террасе, шагах в ста. Другой наверху, но это немного дальше.

– Подключись к Инфору, Что происходит на башне МЭМ? Кто этот человек?

Папий Урс застыл. Казалось, он к чему-то прислушивается.

– Ну? – нетерпеливо переспросил Гумам. – Кто этот человек? Что он там делает?

Папий Урс ответил, уже подключившись к Инфору:

– В секции С башни МЭМ заклинило внутреннюю переборку. Похоже, в одной из лабораторий произошел взрыв. Зафиксирован негромкий хлопок, тянет дымом... За переборкой – сотрудницы СЛАМ и практиканты Общей школы. Неисправность устраняется.

– А этот на карнизе... Что он там делает?

– Сотрудник Космической энциклопедии Ага Сафар. Личная инициатива.

– Но ведь это опасно!

– Личная инициатива, – туповато повторил Папий Урс. Разумеется, сам он ничего такого не думал, всего лишь повторял получаемую с Инфора информацию.

– Ага Сафар... Человек с ложной памятью... – Ждан Хайдари нахмурился. – Этот Ага Сафар способен на все...

– Он сумасшедший?

– Не думаю, Гумам. Просто он мыслит не так, как мы, и у него есть свои проблемы. Я знаю его, он работал со мной на Мнемо. У него странная память. Во всем остальном он вполне ординарен.

– Я бы так не сказал, – фыркнул Гумам.

– Практиканты Общей школы и сотрудницы СЛАМ выведены из лаборатории, – бодро сообщил Папий Урс.

– Так уберите же с карниза этого ординарного сумасшедшего!

Все трое привстали. Зита закрыла глаза, но успела заметить: там, наверху, что-то блеснуло, может, отвалилась спектролитовая панель. Человек на карнизе судорожно взмахнул руками.

Зита почувствовала на плече руку.

– Идемте, Зита.

Она не столько услышала Ждана Хайдари, сколько почувствовала его руку.

– Идемте, Зита. Вам не надо здесь оставаться.

Зита встала.

Молча, боясь оборачиваться, она последовала за Жданом Хайдари.

Она не спрашивала, куда они идут. Только твердила про себя: «Ну как же так? Ведь так не бывает! Этого сумасшедшего спасут, он не может упасть, он не может разбиться, ведь он под контролем МЭМ, ему не дадут разбиться!» И еще она никак не могла понять, зачем он полез на этот опасный карниз? Он что, не понимает, что любой биоробот в подобной ситуации всегда надежнее человека?

Ждан вел ее за руку. Зита послушно следовала за ним.

Она была испугана и растеряна. Ей необходимо было на кого-то опереться. Она оперлась на Ждана.

Со стороны Ждан Хайдари казался медлительным, даже рыхловатым, но плечо у него оказалось на удивление твердым.

Дети в траве

Утап, взятый Жданом прямо на террасе, оказался пятиместным, но Ждан не стал искать другую машину. Отметив на программном щите маршрут, он обернулся и улыбнулся Зите. Он был рядом, но не хотел ей мешать, и она это оценила.

Индекс популярности: *Ждан Хайдари* (Зита была растеряна, ведь рядом с ней сидит человек, возглавляющий первый десяток!), *Хриза Рууд* (конечно, лучше бы десяток возглавляла Хриза Рууд, но ей все же льстило, что она сидит рядом со Жданом!), *Ри Ги Чен* (он так ни одного слова при ней и не произнес, но все равно она только что его видела!), *Доктор Хайдари* (Зита ужаснулась: Ждан – его сын, а доктор Хайдари – член Совета!), *доктор Чеди, Гумам...*
Гумам!

Нет ничего обиднее насмешки, а ведь Гумам, кажется, не принял Зиту всерьез. Может, он сравнил ее с героиней своего реала «Безумная»? Но Зита ведь не дикарка, она не стала бы воровать собственного ребенка. Просто ей хочется вырастить своего ребенка самой.

Гомер Хайдари...

Уже успокаиваясь, Зита подумала: у этого Гомера странный взгляд. Пожалуй, слишком прямой. Так смотреть не принято.

Юрий Ходоров...

Что-то он сделал такое, что позволило ему войти в первый десяток.

Лицедей из Юнис – Хириш и Сэнь Сяо...

Нет, нет, этого сумасшедшего, забравшегося на карниз, конечно, спасли, не надо о нем думать...

Новая драма Гумама. «Союз семи» (Зита еще не видела этого реала). *Южные либеры считают: драмы Гумама не могут объединять.*

Хриза Рууд говорит: Общая школа нуждается в реформах. Хриза Рууд настаивает на общей дискуссии.

«Я тоже настаиваю на этом», – подумала Зита ревниво.

«Гелионис» как вариант будущего. Возможен ли мир без МЭМ? Южные либеры считают: возможен.

Зита вздохнула.

Она не спрашивала Ждана, куда они летят. Ей хотелось одного, как можно скорее забыть этого сумасшедшего на карнизе. Ему ведь не дали разбиться! МЭМ не позволит такого. МЭМ хранит каждого. МЭМ оберегает каждого.

Наверное, последнее она сказала вслух. Ждан обернулся:

– Я знаю Ага Сафара, он на редкость небрежен. Но, конечно, с ним ничего не случилось.

Зита вспомнила: он назвал Ага Сафара ординарным. Ждан улыбнулся.

– Я знаю, о чем вы подумали. Он действительно ординарен, но это не значит, что он глуп.

Зита кивнула.

«Все, как в большом зале Юнис», – подумала она. Смотришь реал, страдаешь с его героями, знаешь, что все это не совсем настоящее, но на душе грустно.

Нет, она любит простые земные вещи. Ей не по сердцу загадки. Она предпочитает ясность. Зачем этот Ага Сафар полез на карниз? Помочь детям? Но ведь биороботы выполняют все это точнее и быстрее, чем человек. К тому же без всякого риска.

Сирена Летящей. Судьба Дага Конвея. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари. Расшифровка на любом Инфоре.

«Я так и не узнала, что за особое мнение высказал Гомер Хайдари», – укорила себя Зита. Вздохнув, Зита искоса взглянула на Ждана Хайдари.

Он сидел почти рядом с ней – человек, занимающий первое место в индексе популярности, человек, проявивший к ней неподдельный интерес. Зита невольно испытывала гордость. Он создал машину Мнемо, об этой машине спорит весь мир.

Если бы не Ага Сафар...

– Вы давно не были в Мегаполисе. Я правильно понял?

Зита машинально положила левую руку на колено, правую на запястье левой и легко кивнула чуть откинутой назад головой. Рыжеватые волосы волной легли на круглые плечи.

– Почти десять лет.

– Он сильно изменился?

Ждан повторил вопросы. Он хотел, чтобы она быстрее пришла в себя.

– Десять лет назад Мегаполис показался мне кипящим котлом. Так и било энергией.

Зита критически глянула за прозрачный борт утапа.

Лесные массивы, над ними белые башни МЭМ. Цепи озер.

Голубая звезда.

Нет, нет не звезда. Это маяк над башенкой Разума.

Зита поежилась.

Раза два она заглядывала в башенку Разума, но там ей всегда становилось не по себе. Она, пожалуй, рада, что мода на это увлечение прошла.

Земля далека даже от центра Галактики. Как же она далека от центра Вселенной, если такой центр можно представить! А если есть некий вселенский Разум, излучающий, вечный, то разве нельзя уловить его излучение, почувствовать это излучение? Для того и стоят эти башенки. Возможно, они подключены прямо к МЭМ, возможно, они – еще один чувствующий орган МЭМ, но Зите в башенке Разума всегда становилось не по себе. Там сумрачно, готика стен открыта в пустое небо, царит необыкновенная, мучительная тишина.

Нет, лучше не думать об этом.

Зита увидела внизу зеркально блеснувшую ленту реки. Воздух был разбавлен расстоянием, дымкой...

Мнемо – другой мир. Мнемо – другая жизнь. Мнемо предоставляет вам невероятный выбор.

Сирены Летящей. Особое мнение палеонтолога Гомера Хайдари.

Сонд – это сон, точно рассчитанный. Сонд – это сила и свежесть. Вы можете спать пять часов, а можете спать минут десять – в любом случае сонд живет. Расшифровка на любом Инфоре.

Зита еще жалела Ага Сафара, она все еще не могла о нем забыть, но уже поверила Ждану: с этим Ага Сафаром ничего не случилось, его спасли. Не могли не спасти, ведь МЭМ оберегает каждую жизнь. Теперь ее уже наполняла вполне законная гордость: она провела почти час в обществе людей, может быть, наиболее полезных для человечества. Рекомендация любого из них могла ей помочь при тестировании, слово любого из них помогло бы ей при вступлении в Родительский клуб.

Невероятный, счастливый шанс!

На мгновение она увидела перед собой Нору Лунину... «Разве я не смогу так, как Нора? Разве я не смогу вырастить своего малыша?..»

Нет. Нет! Не надо пока об этом.

Торопясь, Зита улыбнулась Ждану.

– Наверное, я кажусь вам настоящей провинциалкой.

Он улыбнулся в ответ:

– Нет, вы кажетесь мне человеком, который не очень часто бывает в Мегаполисе. Каждому человеку присущ свой ритм. У вас он особый. Вы так говорили о Родительском клубе...

Зита смущенно кивнула..

– У вас есть дети?

– Нет, – ответила она с сожалением, чуть ли не с раскаянием, и в любом случае с нескрываемой обидой. – Но они у меня будут.

– Не сомневаюсь, – Ждан рассмеялся, он даже косил сильнее, чем обычно. Его глаза были полны внимания. Зита была затоплена их нежной голубизной.

– А вы? У вас есть дети?

– Один! – Ждан выставил перед собой палец. – Сын. Ему девять лет, он воспитанник Общей школы. Арктический сектор, – пояснил он. – Он считает, что полярные шапки – не только украшение планеты...

– Охотно ему верю... А мать?

– О, она далеко.

– Тоже на полярной шапке? – Ей действительно показалось, что это чрезвычайно далеко. Ждан улыбнулся.

– Гораздо дальше. В поясе астероидов. Станция Гайдн. Слышали о такой?

Она кивнула. Да, она слышала. Это так далеко, что можно считать, ничего такого и нет. В любом случае это гораздо дальше, чем полярные шапки... Со станциями типа Гайдн всегда связывалось много надежд, но после первых энтузиастов туда что-то не очень рвались. Зита слышала, что старожилы уже не считают себя землянами. Свой быт, свой образ жизни, ни на что не похожий...

– Может, – спросила Зита, – машина Мнемо окажется полезной именно для таких станций?

Ждан улыбнулся и не ответил.

«Сын – в Общей школе, жена – в поясе астероидов... Ну да, – решила Зита, незаметно разглядывая задумавшегося Ждана, – обыкновенная недолговечная парная семья. Сын в Общей школе, жизнь свободна...» «Для творчества», – вспомнила она слова Гумама... Жизнь заполнена делом... У каждого свое дело. У Ждана – Мнемо, у его жены – скажем, теплицы или астрономические наблюдения... Сын тоже занят, тоже ищет... Вот в девять лет нашел, что полярные шапки планеты – вовсе не украшение... Что ж, наверное, так и есть, она охотно верит малышу... А родители... Они свободны... Они заняты делом... А соскучились по сыну, какие проблемы? Голографические двойники родителей могут присутствовать при кормлениях и купаниях, когда ребенок мал, при занятиях и играх, когда ребенок вырос... Понятно, Общая школа была создана в свое время не из-за недостатка родительских чувств, вовсе нет. Сама жизнь потребовала от людей освобождения. Есть историки, что утверждают, будто сама наша цивилизация была спасена созданием Общей школы... Но ведь мы все встали на ноги, нам ничто не грозит, мы смирили свою агрессивность. Почему же не вернуть матерям права, дарованные им природой?

Ждан вновь угадал ее мысли.

– Воспитать ребенка – редкий дар.

Зита запаниковала: он действительно читает ее мысли? Ей в голову не приходило, что все ее мысли тут же отражаются на ее лице.

– Ждан, – спросила она, – зачем этот Ага Сафар полез на карниз?

Он улыбнулся и ничего не ответил.

В его сильно косящих голубых глазах были доброта и усталость. «Человек, проживший пять жизней», – вдруг вспомнила Зита.

– Почему пять? – машинально спросила она.

Он ее понял:

– Пять других жизней – это пять экспериментов с машиной Мнемо, Зита. Каждая другая жизнь начинается с вполне определенной точки, скажем, с некоего дня, когда перед тобой стоял важный выбор, кардинально меняющий твою жизнь. У вас ведь такое бывало? Вот видите... –

кивнул Ждан. – Далеко не всегда из многих встающих перед нами вариантов мы выбираем лучший. Разумеется, прошлое реально для нас уже не существует, поскольку мы ничего не можем в нем исправить, оно вне нашей постоянно текущей жизни, но Мнемо как бы возвращает нас в прошлое, Мнемо позволяет нам прожить жизнь по-другому, не так, как мы это сделали. Скажем, биолог может прожить жизнь космического пилота, если он когда-то мечтал о такой жизни, рыбак – жизнь хирурга... И заметьте, Зита, этот выбор не случаен, он определяется некоей доминантой, часто скрытой, зашифрованной, но тем не менее существующей в нашем подсознании. Благодаря этому Мнемо и дарит нам другую жизнь, наделяет нас другим, всегда ценным опытом.

«Гелионис» как вариант возможного будущего. Программа «возвращение». Расшифровка на лобом Инфоре.

Машинально, сама того не замечая, Зита сидела, положив левую руку на колено, как Хриза Рууд. Она походила сейчас на воспитанницу Общей школы, но Ждан видел: Зита впрямь старается его понять. Вслушиваясь, она по-детски выпятила губы, что придавало ее лицу оттенок растерянности. Но, возможно, она действительно была растеряна. Ждан всегда побаивался таких красивых женщин. Прожив пять жизней, он понял, что спешка никогда и ничему не помогает, а такие красивые женщины всегда спешат. А он знал: какая бы великая цель ни стояла перед тобой, спешить не следует. Он остро ощущал, как торопится к своей цели Зита, как хочется ей поскорей получить право на индивидуальное воспитание. У нее еще нет ребенка, она еще не успела его родить, но страстно, нетерпеливо рвется к главному – ощутить себя матерью. Он не без горечи подумал, что жизнь с такой женщиной всегда невероятно сложна. Единственное, пожалуй, что он может для нее сделать – и она явно нуждается в подобном подарке – это свести ее с Хризой Рууд, Настоятельницей Общей школы. Рано или поздно Зита все равно решится на тестирование, значит, рано или поздно она все равно выйдет на Хризму. Зачем тянуть? Настоятельница Общей школы недолюбливает фанатичек, но она добра. Она добра редкостной чистой добротой, без которой невозможно настоящее понимание. И в самом деле, как отдать ребенка в руки задыхающейся от нежности матери? Кто воспитает в ребенке гармонию, кто вытравит из него врожденный эгоизм? Разве опыт не показывает, что дети, выращенные, воспитанные индивидуально, всегда более грубы, более эгоистичны, чем дети, прошедшие курс Общей школы. В их душах тлеют искры агрессивности, неприятия, не всегда объяснимого упрямства. Такие люди чаще всего находят себя в космосе, в океане...

Он думал так, а сам не мог оторвать глаз от Зиты.

Ладно.

Ждан, не торопясь, посадил утап на широкой поляне.

Зита ахнула.

Белые, голубые, лиловые васильки, по периметру – кусты роз. Поляна казалась бы бесконечной, не ограничивай ее по опушке высадки темноватых дубов. Нет, темноватыми они лишь казались. Вечернее солнце пробивалось сквозь резную листву. Стоявшая в стороне одинокая серебристая ель выглядела тут почти неуместной, но и она тоже формировала необычный пейзаж.

– Где мы?

Ждан не ответил.

Медлительно, ободряюще улыбнувшись Зите, он помог ей пройти сквозь люк и повел к невысокому зданию, окруженному широкой террасой. Ждан шел, не оглядываясь. Он знал, Зита следует за ним. Она удивлена, растеряна, но следует за ним.

Дверь отворилась.

Папий Урс с удовольствием отзвонил легкую мелодийку встречи. И почти сразу они оказались в приемной. В странной приемной, где кресла стояли прямо в траве, пахло медом, жужжали шмели, от которых хотелось отмахнуться.

Живой вид.

Зита замерла.

И эта поляна-приемная была чрезвычайно обширна, где-то совсем вдали ее замыкала стена чудовищно тучных деревьев, похожих на баобабы. Переплетения лиан, ветвей, колючек, воздушных корней клубились там, где вообще-то полагалось бы стоять стене дома, а еще дальше, сквозь просвет в листве и в колючках, виднелась еще одна, более обширная поляна, вся залитая диким солнцем, а на ней – несколько островерхих хижин, под сваями которых орда вопящих полуголых ребятишек с восторгом и визгом гоняла по траве мохнатого бурого медвежонка. Они с воплями прыгали на зверя, хватали его за лапы, сами валились в траву, вопили, визжали... Звук их голосов, отчаянно высокий, отдаленный, счастливо резнул Зиту по сердцу.

Куда привел ее Ждан?

Она готова была раздвинуть колючки и броситься на поляну, ловить ребятишек одного за другим, прижимать их к груди, обнимать, трепещущих, крепких, рвущихся из рук.

Ждан замер.

Он вдруг понял, что именно влечет его к Зите.

Не совершенство всех линий, мало ли в Мегаполисе совершенных женщин? Не рыжеватые, разметавшиеся по плечам пряди, даже не вспыхивающие глаза... Нет, нет! Все это прекрасно, но это не главное. То, что он принял поначалу за провинциальность – некая диковатость, непосредственность, густо замешенная на восхищении миром – вот была ее суть. И живи она не на далеких островах, а здесь, в Мегаполисе, все равно она оставалась бы такой – самой жизнью. В любом случае она была ближе не к нему, Ждану, даже не к Хризе Рууд, а к тем ребятишкам на залитой солнцем поляне. Зита была бы счастлива, окажись она там. Он ясно и не без ужаса ощутил, что Зита и впрямь могла бы быть матерью всех этих бесящихся ребятишек...

Доктор Чеди: грозит ли человечеству отчуждение?

Мнемо – другая жизнь – Мнемо.

Общая школа: большие игры. Может ли воспитанник третьей группы метнуть стрелу на семьсот метров?

«Зита слишком порывиста», – подумал Ждан. Это будет мешать ей при тестировании.

Впрочем, он не считал это самой большой бедой. Если Общая школа действительно нуждается в реформах, значит, таких, как Зита, становится все больше. Не подтверждает ли это сумасшедшую теорию доктора Чеди?

Ждан обернулся и увидел Хризу Рууд.

Настоятельница шла к ним через поляну. Ее легкие босые ноги почти не приминали траву. Накидка, похожая на кимоно, волосы, туго схваченные узлом на затылке, на крошечных мочках небесной голубизной вспыхивали удлинённые камни. Они казались слезинками, но Хриза Рууд улыбалась. Перехватив взгляд Ждана, она прижала палец к губам.

Ждан понял.

Он молчал и стоял, не шевелясь: Хриза Рууд рассматривала Зиту.

Она делала это внимательно, охватывая все. Ее гладкое смуглое лицо было освещено улыбкой, потом улыбка исчезла, и брови Хризы приподнялись в раздумье. Но, кажется, Зита ее уже покорила.

– Эти сорванцы, – Хриза кивнула в сторону дальней поляны, – эти маленькие сорванцы там в траве – всего только голограмма.

А придумала их она. Иногда ей так жаль, что все это как солнечный отблеск, ты видишь его, но попробуй взять в руки!.. Ей нравится бегать по траве, она бы сама сейчас погоняла медвежонка. В Общей школе принято совершать долгие вылазки с детьми на природу. За Мегаполисом достаточно укромных мест. На берегу диких речушек можно жечь костры, петь песни, гоняться за настоящими, а не придуманными медвежатами, если, конечно, медведица не против. И все равно, у нее замирает сердце, когда она смотрит на свои голограммы.

Как ни странно, в словах Хризы Рууд Зита услышала какой-то неявный упрек Ждану. Но сама Зита была восхищена. Она никогда не думала, что ей придется стоять рядом с Настоятельницей, смотреть на нее, слушать ее слова.

Это все Ждан!

Зита нашла сияющими глазами Ждана. Она не знала, куда они летят, Ждан ее не предупредил. Ждан – волшебник. Он умеет делать неслыханные подарки. Но лучше бы он предупредил ее.

– Ждан – волшебник, – поддержала Зиту Хриза Рууд. Ждан из самых талантливых ее учеников. Ведь в Общей школе Ждан когда-то шел как раз по ее курсу.

Хриза Рууд улыбнулась. Она не боялась своего возраста. У нее не было возраста. Хриза помнит Ждана еще таким. Она кивнула в сторону вопящих на поляне ребяташек. Голубые удлиненные камни в ее мочках дрогнули, ярко вспыхнув. Теперь Ждан самостоятелен. Она счастлива, что ученик обошел ее в индексе популярности. Правда, она не совсем ясно представляет себе детище Ждана – машину Мнемо. Но что удивительного? Наверное, эта машина очень сложна. Это машина иллюзий, да?

Ждан улыбнулся, но в его косящих глазах промелькнула какая-то тень. Ее заметили и Хриза, и Зита.

– О Ждан! – Хриза Рууд мягко положила руку на его плечо. – Я всегда была чужой в машинном мире. Тебе следовало бы специально прийти ко мне и подробно все рассказать. А еще лучше, – сказала она, – если ты придешь в Общую школу и расскажешь там о своей машине. Кому, как не детям, следует знать о ней все? Ведь о Мнемо ходят самые фантастические слухи. Например, я слышала о том, что либеры окончательно покинут населенные зоны, как только получат в свои руки Мнемо и синтезаторы. Это слишком близко к пророчествам доктора Чеди. А пророчества эти ведь подсказаны доктору Чеди машиной Мнемо, то есть в некотором смысле тобой, Ждан.

Ждан улыбнулся. Он несколько не обиделся на Настоятельницу. Хриза Рууд взяла Зиту за руку, и они стояли перед ним, как две сестры. Ждан был ошеломлен совершенством двух таких разных женщин. Ничего подобного он не видел даже в реалах Гумама, а каталог образов, созданный Гумамом, собрал в принципе все известные и возможные типы красоты. Но тут было нечто новое. *Живое!* – вот так.

Ждан был рад, что привез Зиту к Настоятельнице.

– Я непременно должна ознакомиться с твоей Мнемо обстоятельно. – Хриза Рууд ослепительно улыбнулась, голубые камни в ее ушах дрогнули, брызнули светом. Ждан добр, она надеется, он не откажет ей в просьбе и поговорит с воспитанниками Общей школы о Мнемо. Ведь это машина будущего? А будущее – это их жизнь.

Ждан кивнул. Конечно, он побывает у воспитанников Общей школы.

Хриза сейчас одна, ей здесь нравится. Она отдыхает. Ей хотелось побыть одной, но иногда вдруг бывает пусто...

– Без детей всегда пусто.

Зита произнесла это и ужаснулась, сразу осознав неуместность этих слов. Она страшно смутилась, ее спас лишь вопль с далекой поляны: ребяташки торжествовали, им удалось все-таки настичь и повалить медвежонка.

– Так всегда.

Слова Хризы Рууд, естественно, относились к ребяташкам, но Зита смутилась еще больше.

Так всегда...

Помогая Зите, Хриза Рууд вернулась к разговору о Мнемо.

– Эта машина, – спросила она, – наверное, окажется полезной для космических пилотов? Человеку несвойственно мириться с тысячью неудобств замкнутого мира, в котором он

вынужден находиться годами. Почему бы, находясь в полете, не прожить еще две, три, четыре лишних жизни?

Она засмеялась, поймав себя на нелепости: разве жизнь может оказаться лишней?

– Без детей – да.

И опять это сказала Зита, и снова замерла в испуге. И уже в полном отчаянии попыталась спасти положение:

– Ждан! Мнемо – это от Мнемозины? Нет?

И, получив ответ, заторопилась еще больше:

– Ждан! Мнемо реализует мечту?

– Не совсем так! – Ждан Хайдари покачал головой. – Если вы захотите прожить жизнь сказочной героини, придуманной, никогда не существовавшей, то вам вряд ли удастся. Прожить жизнь Красной Шапочки невозможно. Мнемо выявляет некую, пусть скрытую, доминанту. Ее раскрытие и развитие и есть то, что мы называем другой жизнью.

Зита кивнула.

И коря себя, и упрекая себя, она все равно не могла избавиться от острого, удивительного чувства своей причастности к чему-то значительному.

К счастью, ни Хриза Рууд, ни Ждан Хайдари не считали, похоже, эту ее причастность безусловной. Хриза, несомненно, испытывала и некое разочарование. Ведь ко всему прочему Зита умудрилась ввернуть еще один вопрос: почему так редко выступают в Общей школе те матери, что занимаются индивидуальным воспитанием?

– Твоя подруга делает тебе честь, Ждан. Слова Хризы Рууд прозвучали загадочно.

И вообще Хриза будет рада, если ее будут навещать.

– Зита, вы можете навещать меня и одна, без Ждана. Мне кажется, мы найдем тему для разговора.

Ждан молча смотрел на улыбающихся женщин, они были бесконечно хороши.

С далекой поляны потянуло дымком, жители островерхих хижин зажгли костры. Дым стлался по траве, на фоне его нежного шлейфа обе женщины казались еще прекраснее. Ждану остро захотелось увести Зиту с поляны.

Увести? Он торопится?

Ждан чуть не рассмеялся. Это он, Ждан Хайдари, создатель Мнемо, человек, проживший пять других жизней, и он торопится?

Но ему действительно хотелось побыстрее увести эту девчонку, побыстрее, пока она не наговорила еще кучу глупостей.

Они простились.

Ждан шел быстро, листья так и шуршали у него под ногами. Папий Урс хотел обогнать его. Ждан, усмехнувшись, не позволил ему этого. Зита засмеялась: Хриза Рууд – гениальная женщина. Будет смешно, если гениальная женщина увидит ее бегущей, как собачонка, за Жданом. Пожалуйста, не шагай так широко, Ждан. Пожалуйста, пропусти биоробота, он перегорит от обиды.

Смех Зиты светился. Почему ты не предупредил меня, Ждан? Если бы Зита знала, к кому они летят, она бы внутренне подготовилась к встрече. Все произошло так неожиданно. Зита боится, что разочаровала Настоятельница.

Ждан усмехнулся.

– Ох, Ждан! – Зита никак не могла выговориться. – Ох, Ждан, все только говорят: «Общая школа, Общая школа!» А думают по-другому. Все, кто хочет этого, пусть ведут ребятшек в Общую школу, но ведь всегда есть матери, которые хотят целиком посвятить себя своему ребенку. Ох, Ждан, я, кажется, из таких.

– Но ты еще не родила, – справедливо заметил Ждан.

– Подумаешь! – Зита сияла. – Я рожу его, выращу, воспитаю. Разве воспитание ребенка – не самый высший вид творчества? Зачем Общей школе обрекать меня на духовный голод?

– Духовный голод – вовсе не худший стимул для творчества, – усмехнулся Ждан. Он откинул люк утапа.

– Стимул! – фыркнула Зита. – Если нет еды, зачем возбуждать аппетит?

– Что ты имеешь в виду?

– Детей, Ждан. Живых. Не похожих на тех, что носятся там, на поляне.

Пропуская Зиту в утап, Ждан заметил:

– Судьба человека – в его характере... Подозреваю, Зита, у тебя есть враг.

– Враг? – испугалась Зита.

– Самый настоящий... И он сильно осложнит тебе жизнь... Догадываешься, о ком я говорю?

– Обо мне, – вздохнула Зита.

– Совершенно верно. – И спросил: – Где ты остановилась. Куда тебя отвезти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.